

А РОЛЬ-ТО НЕ ПАДЕШЬКАЯ!..

«Нет малenkих ролей», — говорил когда-то Станиславский. Эти слова неизменно приходят на память, когда наблюдаешь за игрой артистов, исполняющих «маленькие» роли.

Куда уж меньше роль — дух отца Гамлета? А этот «дух» — тот винтик, без которого невозможна работа большого механизма. Выбросишь его — не произойдет события, из которого вырастает пьеса.

Вот поэтому авторы обычно так тщательно выписывают роли с небольшой «сценической» жизнью. Выписывают тщательно, но не дают ни места, ни времени для постепенного раскрытия характера. Тем труднее роль, где за минимальное сценическое время актер должен донести до зрителя всю полноту жизненного образа. Вот о таких ролях нам и хочется поговорить сегодня.

Актриса Л. Морозкина в спектакле «Барабанщица» выступает в комедийной роли, где особенно необходим строгий самоконтроль, иначе — легко перейти грань между искусством и паясничаньем. И главное достоинство игры Морозкиной заключается даже не в том, что она не переходит этой грани, а в том, что образом мещанина Тузиковой артистка говорит: не так уж безобидны беспринципные, омещанившиеся люди, как это может показаться на первый взгляд. Поэтому не

добродушную улыбку вызывает она своим появлением, а осуждающий смех. У ее Тузиковой — свои правила, своя «философия»: устроиться по теплее, выбрать то, что выгодно, от кого бы эта выгода ни исходила.

Вот Тузикова, обещанная тюками и стульями, втискивается в комнату Нилы. «Разбомбили мой фригель» — сокрушается она, и прямо с ходу начинает считать свою «небель».

...Раз, два — шепчет она озабоченно, а потом, увидев Чуфарова, пускает слезу. «Остаемся в тылу треклятого врага. Можете на меня расположиться. В черные дни оккупации я честно вела образ жизни». Но вот взгляд Тузиковой падает снова на «небель». Глаза ее моментально высыхают, и она, забыв о Чуфарове и обо всем на свете, продолжает озабоченно считать...

И эта бестолковая суета кажется такой никчемной и ничтожной по сравнению с грандиозными событиями, происходящими вокруг.

И по тому, как она поет, стараясь всех перекричать, как ест, как подслушивает, скопив глаза, — видно: душа ее наглухо захлопнута для всего возвышенного и прекрасного...

Совсем небольшая роль у артиста В. Орлова в спектакле «Два цвета». Речь идет о красном, нашем, советском цвете и черном.

Под черным подразумевается «все, что нам ненавистно, все, что мешает, что стоит на пути к будущему».

Вот он, носитель этого зловещего цвета — уголовник Глов. Коренастый, неторопливый, с приплюснутым черепом... С его появлением в зал входит тревога. Посмотришь в его словно сонные глаза, всмотришься в небрежные движения — и станешь ясно: это страшный человек.

— Поучить надо, — говорит он друзьям по адресу бригадильцев, и сонные глаза его вдруг просыпаются.

На время спектакля артист становится Гловым. Не для того, чтобы оправдать этого страшного, опытного бандита, а обвинить, возбудить к нему гнев и отвращение. Вот он, криво ухмыляясь и делая страшное движение, как бы стряхивая с пальцев кровь, решает расправиться с ненавистным «бригадильским адмиралом» Шуриком Горьевым. И по его тупому, невозмутимому лицу видно, что этот человек способен на любое преступление.

Делая врага опасным, артист еще больше поднимает фигуру погибшего Шуры, мобилизует волю зрителей на борьбу со всякой нечистью...

Или Ракитина (Е. Агаронова) в спектакле «Дали дальние, неоглядные». Роль эта невелика, и слов героине автор дал сравнительно немно-

го. Но актриса облекла ее «в плоть и кровь», и роль ожила, дошла до зрителя.

Ракитина — секретарь райкома партии. Она вся в работе. «Только народу, только партии, только делу отдаю она каждую минуту каждого дня». Артистка так ощутимо передает эту ее деловую занятость, что как-то странно видеть Ракитину не спешащей. А это было однажды. Села она и стала оживленно разговаривать с Хижняковым. У нее уверенные движения, решительный голос. Но почему все время кажется, что она в чем-то несчастлива, что ее постоянно что-то гнетет? Может быть, потому, что у нее печальные глаза? Или потому, что женщина нет-нет да и задумается? И, когда она признается: «Вот уже который год тяну эту ламку. Муж пьет, скандалит, калечит сына», — мы не воспринимаем это как неожиданность. О многом нам рассказали ее глаза. И еще то, что актриса жила в образе, а не рядом с ним.

А любовь Ракитинкой к Хижнякову! Здесь у артистки есть минуты удивительные. Кто-то сказал: «У Мольера герои говорят о любви, у Шекспира — любят». Так и героиня Агароновой. Слов почти нет. Есть любовь — тревожная, запоздалая, но настоящая.

Нет маленьких ролей — это правда.

Н. КОПОТИЛОВА.